

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII века

М.: 1988

Редакционная коллегия: д.и.н. Г.С.Кучеренко
(ответственный редактор), к.и.н. К.М.Андерсон
(ответственный редактор), к.и.н. Г.С.Черткова, С.Я.Карп,
А.В.Чудинов.
Рецензенты: к.и.н. М.И.Ковальская, к.и.н. Л.А.Пименова.

СОДЕРЖАНИЕ От редколлегии

Текст здесь:

Кузьмичева Е.К. Фейхоо-и-Монтенегро и становление исторической мысли испанского Просвещения
Лебедева Е.И. Революция в зеркале просвещенного сознания (исследование литературной корреспонденции Блен де Сенмора)

Текст здесь: <http://www.annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Lebedeva.doc>

Карп С.Я. Бриссо и Гельвеций

Плавинская Н.Ю. Представления Монтескье о республике и их оценка в жирондистской прессе
Ростиславлев Д.А. Из истории журналистики периода якобинской диктатуры
(О некоторых особенностях газеты Ж.Р.Эбера "Пер Дюшен")

Текст здесь: http://vive-liberta.narod.ru/journal/rostisl_hebert.pdf

Кузнецов И.Н. Гердер о Великой французской революции
Петина А.И. Джозеф Пристли и революционная Франция
Чудинов А.В. Развитие взглядов Дж.Макинтоша на французскую революцию в 90-е годы XVIII в.

См. текст автореферата авторана соискание ученой степени доктора исторических наук: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/chud.pdf>

Улуян А.А. Роль идейного наследия французской и американской революций XVIII в. в становлении

общественно-политических взглядов А.Коранса
Темкин В.А. Идеи Просвещения в творчестве Пи-и-Маргалья

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru) и Век Просвещения, 2 вандемьера ССXI года

Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

Виктор Александрович Темкин ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ в ТВОРЧЕСТВЕ ПИ-И-МАРГАЛЯ

В истории Европы XVIII век остается прежде всего веком Просвещения и Великой французской революции. Вместе с тем, их значение не исчерпывается рамками XVIII столетия, они оказали определяющее воздействие на пути исторического развития европейских стран в последующую эпоху. Ф.Энгельс, подчеркивая всеобъемлющий характер идейного переворота, совершенного Просвещением XVIII в., отмечал: "Религия, понимание природы, общество, государственный порядок - все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилем всего существующего"¹. О значении исторического опыта Французской буржуазной революции конца XVIII в. В.И.Ленин писал, что "весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии..."². Это замечание правомерно отнести и к европейской общественной мысли XIX в., самым непосредственным образом воспринявшей и развившей идейное наследие предыдущего столетия. В этой связи определенный исследовательский интерес может представить проблема выявления конкретных путей идейной преемственности двух веков и анализ исторических причин, по которым эта преемственность принимала те или иные формы.

Среди буржуазных политических течений, усвоивших и продолживших традиции XVIII в., особое место принадлежит либерализму. Современный советский исследователь отмечает, что "в первой половине XIX в. основной идеологией утвердившей свое господство буржуазии стал либерализм, претендовавший на роль наследника Просвещения; по крайней мере в ряде вопросов вложивший совершенно новый смысл в передовые и гуманные идеи Просвещения"³. Это справедливое высказывание,

сделанное на материале истории Англии, при применении к Испании XIX в., нуждается в значительных коррективах с учетом специфических черт развития этой страны. Имеется в виду прежде всего факт значительной экономической и политической отсталости Испании по сравнению с более развитыми странами Европы, сказавшийся на чрезвычайно медленном и трудном характере вступления Испании в эру капитализма. Ярким тому свидетельством являются пять буржуазных революций XIX в., отражавших основные этапы борьбы нарождавшейся испанской буржуазии за политическую власть против господства абсолютизма. При этом главным носителем идеи капиталистических преобразований в Испании стала именно буржуазно-либеральная политическая традиция, сформировавшаяся в ходе первых трех революционных циклов (1808-1814, 1820-1823, 1833-1843 гг.).

В середине XIX в. в Испании начинают ощущаться первые результаты процесса расслоения буржуазии: от общего ствола буржуазно-либеральной традиции стали ответвляться новые, более радикальные политические течения, представлявшие социальные интересы мелкой буржуазии и городских низов. К событиям такого рода следует в первую очередь отнести образование в 1849 г. группой молодых политиков испанской демократической партии, которая уже в первом официальном манифесте заметно радикализовала основные программные требования, выдвигавшиеся старыми либеральными партиями⁴. В 50-е гг. XIX в., ознаменовавшиеся в Испании четвертой буржуазной революцией 1854-1856 гг., в недрах демократической партии стало формироваться еще одно политическое течение, в свою очередь пытавшееся преодолеть ограниченность программы демократов: это было движение республиканского федерализма, которому суждено было стать одной из важнейших политических сил пятой испанской буржуазной революции 1868-1874 гг.

Как видно из самого названия движения, республиканцы-федералисты требовали замены абсолютной монархии федеративной республикой, что в условиях Испании XIX в. было неизбежно связано с коренными демократическими преобразованиями. Фактически, республиканцы-федералисты стали первым в истории

Испании организованным политическим движением, открыто провозгласившим борьбу за радикальную смену формы государственной власти. С этой целью они вели борьбу и с двумя главными опорами абсолютизма: католической церковью и престолианской армией. Соединение в доктрине движения республиканизма с федерализмом являлось вполне естественным в Испании XIX в. и также преследовало антиабсолютистские цели: экономическое и культурное развитие периферийных провинций страны сковывалось тесными рамками традиционно централизаторской политики Бурбонов⁵. В результате национально-региональный вопрос в XIX в. вырос в одну из самых насущных проблем, и республиканцы-федералисты опять-таки первыми предложили радикальный способ его решения в пользу тех общественных слоев, интересы которых они защищали: это главным образом молчаливая буржуазия, городские низы и нарождавшийся пролетариат периферийных областей Испании (прежде всего, Каталонии, Андалусии и Леванта).

Еще одной важной особенностью республиканского федерализма стало подчеркнутое стремление его лидеров (в большинстве - выходцев из мелкобуржуазной интеллигенции) к глубокому научно-философскому обоснованию идейной платформы движения. На политической сцене испанского общества XIX в., с его слабо развитой по сравнению с другими европейскими странами политической структурой, подобная тенденция к идеологической целостности не имела прецедентов. Это заставило республиканцев-федералистов для теоретического подкрепления своих исторически выработанных представлений обратиться к достижениям европейской общественной мысли, в том числе и к идеям Просвещения и Великой французской революции.

Прежде чем приступить к рассмотрению теоретической платформы испанского федерализма с точки зрения влияния на нее идей и опыта XVIII в., следует сделать необходимую оговорку о крайней идейной неоднородности движения, где (не в последнюю очередь в силу общей повышенной роли персонального фактора в испанской политической традиции XIX в.) фактически каждый крупный деятель имел собственную программу на

основе республиканизма, федерализма и антиклерикализма, составлявших "три кита" идеологии движения⁶. Поэтому в данной статье внимание будет сосредоточено на работах главного теоретика и идейного вождя республиканского федерализма, лидера его левого крыла, Франсиско Пи-и-Маргалья (1824-1901), поскольку только у него теория республиканского федерализма приобретает стройный и законченный вид и обладает глубоким научным фундаментом.

Необходимо также помнить, что выявление конкретных форм воздействия идей ХУШ в. на развитие общественной мысли последующего столетия требует от исследователя большой осторожности. Богатый идейный и социальный опыт ХУШ в. стал той питательной почвой, на которой в XIX в. возникли все основные течения общественно-политической теории, в результате чего ряд наиболее принятых заимствований у мыслителей предшествующего столетия превратился в общие места идеологий XIX в. Поэтому, вычленив подобные заимствования, важно направлять внимание лишь на те из них, которые получили в анализируемой теории наиболее оригинальное толкование и развитие.

Первая крупная работа Ф.Пи-и-Маргалья, "Реакция и революция", была написана в 1854 г. под влиянием событий начавшейся четвертой буржуазной революции в Испании. Эта работа представляла собой плод осмысления ее автором крупнейших достижений европейской общественной мысли и попытку научно-философского обоснования идеи коренного социально-политического переустройства, впервые предпринятого на испанской почве. Естественно, что для теоретика середины прошлого века наиболее плодотворными оказались философские и политические теории первой половины XIX в., в которых многие идеи ХУШ в. уже претерпели существенное развитие. Это необходимо учитывать при разборе основных работ главного идеолога испанского федерализма.

В своих взглядах на историю и общество Пи-и-Маргаль исходит из противопоставления категорий свободы и социальной фатальности, из которых первая движет отдельным индиви-

дом, а вторая присуща всему человечеству. Пи-и-Маргаль убежден в существовании объективного закона исторического развития и в попытке найти его обращается, в частности, к наследию ХУШ в. Он подвергает анализу циклическую теорию Вико и теорию исторического развития Гердера, которые представляются ему явно недостаточными для объяснения закономерностей истории⁷. Не удовлетворяет его и ряд более поздних теорий, которые он объявляет ненаучными, за единственным исключением взгляда на историю Г.-Ф.Гегеля, диалектическим методом которого пронизана вся логика теоретических построений Пи-и-Маргалья. Главной характеристикой исторического развития выступает у Пи-и-Маргалья прогресс, а то, что никому не удалось еще открыть объективный закон истории, не означает, по его мнению, что такового не существует. Вот как он рассуждает: "Для меня, поскольку закон имеется, то только его непрерывное осуществление может положить конец нашим революциям и несчастьям. Если же этому осуществлению препятствует только наша плохо образованная свобода, то последовательное образование нашей свободы должно стать воплощением прогресса, а союз свободы и фатальности - конечной целью"⁸.

Основным содержанием современной ему эпохи Пи-и-Маргаль считает конфликт между силами реакции и революции. Большое место в его книге занимает чрезвычайно важная с точки зрения общественной ситуации в Испании критика реакции, которая определяется им как "служанка исторической традиции, опора идеи власти, орудие собственности, монархии и церкви"⁹. В трех последних категориях Пи-и-Маргаль видит главные составляющие реакции и подвергает подробному разбору их пагубное влияние на развитие общества, особенно в XIX в., когда они, по мнению Пи, уже прошли все фазы своего развития и исчерпали себя. В условиях Испании XIX в. особое значение приобретала основательная и бескомпромиссная критика Пи-и-Маргалем религии. Как отмечает современный испанский историк - коммунист А.Джоттлар, во второй половине XIX в. даже важнейший для испанцев того времени вопрос "монархия или республика" не сводился к "элементарной проблеме формы правления; ответ на этот вопрос так или иначе выражал целое ми-

возвращение, определенное отношение к жизни: отношение к религии прежде всего"¹⁰. Как убежденный республиканец, Пи-и-Маргаль хорошо понимал глубокую взаимосвязь республиканизма и антиклерикализма, поэтому в "Реакции и революции" критике монархии как формы правления он предпосылает критику религии, сама логика которой несет у него отчетливые следы влияния традиции Просвещения XVIII в.

Для Пи-и-Маргалья религиозная догма несостоятельна потому уже, что она построена на вере, а не на разуме, и поэтому разум способен легко победить ее путем сомнения¹¹. XIX век для Пи вообще является веком сомнения, и он считает христианство, как, впрочем, и любую другую религию, не соответствующими духу времени. Зарождение религиозной идеи (как и идеи власти, монархии) он относит к "детству человечества", а в своей основе, как он утверждает, религия опирается на чувство непознанного, необъяснимого, на таину. Христианство, как считает Пи, в этом отношении ничем не отличается от других религиозных систем. Поэтому религии Пи-и-Маргаль противопоставляет науку, в основе которой лежит критерий разума, для него - единственно допустимый. Религия и наука несовместимы; Пи-и-Маргаль приводит многочисленные примеры борьбы церкви с наукой и показывает реакционную роль церкви как тормоза прогресса. Он раскрывает природу учения Христа как идею философскую по содержанию, унаследованную, как он считает, от Платона и Зенона. Заслугу Христа он видит единственно в том, что тот "распространил и укоренил идеи, жившие в сердце народа, в том, что он очистил их и открыл с их помощью новые горизонты"¹². Среди позитивных идей христианства Пи-и-Маргаль числит апологию равенства, любви к ближнему и другие евангельские постулаты. Однако, считает Пи, христианская догма полна противоречий, которые он разбирает, опираясь на антирелигиозные идеи французских просветителей XVIII в.¹³ В общем и целом, история религии у Пи-и-Маргалья вписывается в заимствованную им у Гегеля и сильно упрощенную диалектику эволюции всякой идеи. Он даже намечает этапы этой эволюции: "Христианство представляется мне

как утверждение от Христа до Лютера, протестанство - как принцип отрицания от Лютера до Энциклопедии; праздник Верховного Существа при Росеспиере - как полное отрицание христианства", - пишет он¹⁴.

Достаточно интересен и подход к религии Пи как политика. Так, истоки неверия, свойственного его поколению, он видит в антиклерикальной традиции испанских революций первой половины XIX в., посеявшей семена сомнения в неизбежности христианства¹⁵. Для Пи соединение идеи революции и антирелигиозной идеи представляется вполне закономерным, поэтому он видит явное противоречие в том, что некоторые демократы и социалисты пытаются обосновать свои аргументы цитатами из Евангелия (прием, весьма характерный для ряда идеологов периода романтизма). При этом считает подобный путь заведомо ложным, абсурдным, поскольку христианская догма учит не борьбе, а смирению, совершенно неподобающему тем, кто избрал своим кредо политическую борьбу. "Либо порвите эту святую книгу, либо не протестуйте никогда против наших страданий. Ваши протесты с определенной стороны выглядят несправедливыми, детскими"¹⁶. Сам Пи-и-Маргаль проявляет в этом вопросе непоколебимость позиции, он готов даже потерять сторонников из числа верующих, нежели пойти против своих убеждений, против истины. Однако, верный своей логике, Пи считает необходимым найти замену религии. Вместо основанной на вере религии он предлагает основанную на разумном знании философию. "Глубокое философское убеждение... может отлично восполнить недостаток в вере", - пишет он, полагая этот вопрос решенным¹⁷.

Как видим, и в исходных позициях, и в аргументации критика религии Пи-и-Маргалья опирается на традицию французского Просвещения. Об этом не в последнюю очередь свидетельствует и приведенная общая оценка им XVIII в. как века разрушения веры. При этом очевидно, что на использование идейного наследия предшествующего столетия Пи-и-Маргалья натолкнули проблемы испанского XIX в., во многих чертах (и особенно в области борьбы с господством католицизма) сходные с теми,

которые приходилось решать просветителям во Франции в XVIII в.

Силе реакции и ее основным формам (собственности, монархии и церкви) Пи-и-Маргаль противопоставляет революцию, определяемую им как "формула идеи справедливости... абсолютное санкционирование всех наших свобод, общественное признание суверенитета, который современная наука признала в человеке, объявив его источником знания и права"¹⁸. В центре революционной теории Пи-и-Маргалья оказывается, таким образом, человек, и поэтому неудивительно, что именно на важнейшей для него категории суверенности индивида покоится у Пи-и-Маргалья ядро его политической концепции, которое он называет "демократической догмой" в противовес расплывчатой доктрине испанской демократической партии. Априорный и неограниченный характер суверенитета личности, которая у Пи-и-Маргалья сама для себя составляет "свою реальность, свое право, свой мир, свою цель, своего бога, свое целое"¹⁹, продолжает и доводит до абсолюта учение о природных правах человека, использовавшиеся просветителями XVIII в., для критики феодальных порядков как противоречащих их понятию о естественной справедливости.

Неограниченный суверенитет личности связан с Пи-и-Маргалем с требованием абсолютной свободы личности, которым он обосновывает необходимость введения в Испании широких демократических свобод. Обеспечение абсолютной свободы индивида Пи кладет в основу законодательства, и здесь он прямо ссылается на опыт Великой французской революции: "Закон, как провозгласил в свое время французский Конвент, должен защищать нашу свободу, а не ограничивать ее. Если бы так было, то в мире царил бы свобода; все наши революции стали бы необоснованными"²⁰. С этих позиций Пи-и-Маргаль восхищается "Декларацией прав человека", якобинским законодательством и делает вывод о взаимосвязи суверенитета личности и народного суверенитета: "Узаконить наши права значит узаконить наш суверенитет, а узаконить суверенитет индивида значит узаконить суверенитет народов", - утверждает он²¹.

Требование законодательного закрепления свободы суверенной личности приводит Пи-и-Маргалья к еще одному важней-

шему аспекту его политической теории. Речь идет о так называемой "теории пакта", генетически глубоко связанной с учением об общественном договоре Руссо. Само по себе это не было большой оригинальностью: использование этого учения идеологами XIX в. было настолько плодотворным, что надолго сделало из него одно из общих мест европейской общественной мысли. К тому же следует принять во внимание, что восприятие Пи-и-Маргалем учения Руссо было в значительной мере скорректировано той трактовкой, которую оно получило в трудах одного из главных идеальных кумиров Пи-и-П.-Ж. Прудона. Однако в теории Пи-и-Маргалья учение об общественном договоре получает достаточно своеобразное толкование и развитие, обусловленное прежде всего попыткой его применения к общественной ситуации в Испании XIX в. Поэтому, несмотря на все оговорки, "теорию пакта" Пи-и-Маргалья можно рассматривать как один из наиболее ярких примеров отражения в его творчестве идейного наследия XVIII в., на что, в частности, указывает один из крупнейших исследователей испанского феодализма А. Джоттлар²².

Первые упоминания о "пакте" содержатся уже в "Реакции и революции". Неограниченный суверенитет личности, по Пи-и-Маргалю, делает неприемлемым насилие над индивидуальной свободой, неизбежно совершаемое государственной властью. Пи активно осуждает "тиранию власти" и своей конечной целью (пусть и недостижимой в ближайшем будущем, что он хорошо сознавал) провозглашает уничтожение власти как таковой. Вот какова его логика в концентрированном варианте: "Человек суверенен, в этом мой принцип; власть есть отрицание его суверенитета, в этом мое революционное оправдание; я должен разрушить эту власть, в этом моя цель"²³. А поскольку между суверенными личностями правомерны только соглашения, пакты, то единственно возможной основой общества Пи-и-Маргаль считает контракт между всеми его членами.

При этом характерным моментом теории раннего Пи-и-Маргалья является то, что, в отличие от учения Руссо, общественный договор в ней отрывается от понятия народного су-

веренитета и даже, в какой-то степени, противопоставляется ему. В "Реакции и революции" Пи заявляет, что "контракт, а не суверенитет народа, должен стать базой нашего общества"²⁴. Суверенитет народа он считает не более чем одним из средств ослабления власти, необходимость которого обуславливается существованием определенных "коллективных" интересов. В будущем, однако, как он считает, арбитром этих интересов сможет стать "индивид, доказавший свою суверенность"²⁵, причем не в отношении общества (ибо это - возвращение к монархии), а в отношении самого себя. Нетрудно видеть, что суверенитет личности для Пи-и-Маргалья важнее принципа народного суверенитета. Регулятором общественных отношений в свободном, состоящем из неуправляемых суверенных индивидов обществе Пи-и-Маргаль называет некий внутренний моральный закон, выводимый им из кантовского "категорического императива" и определяемый исключительно нашим разумом: "Все иррациональное... я признаю несостоятельным", - утверждает Пи²⁶.

Как важное, и не менее эффективное, чем народный суверенитет, средство ослабления власти, Пи-и-Маргаль рассматривает применение федеративного принципа. Идея федеративно-республиканского переустройства, вытекающая из исторических условий развития Испании и имевшая в этой стране прогрессивное политическое звучание, также впервые выдвигается в "Реакции и революции"²⁷, хотя и не играет еще в этой ранней работе Пи-и-Маргалья той существенной роли, которую она приобретает позднее. Для нас важно отметить, что по мере идейной эволюции Пи-и-Маргалья именно "теория пакта" ляжет в основу его федерализма.

Основным путем эволюции политических взглядов Пи-и-Маргалья в 60-е гг. XIX в. стал его постепенный отход от тезиса о разрушении власти и окончательное утверждение на позициях республиканско-о федерализма. События новой, пятой буржуазной революции в Испании послужили толчком к изложению Пи-и-Маргалем своей политической концепции, наиболее отчетливое выражение получившей в его речи в корот-

сах 19 мая 1869 г.²⁸. В ходе обсуждения предложенного правящей партией прогрессистов конституционно-монархического проекта новой конституции страны, Пи-и-Маргаль выступил со страстной защитой принципов федеративной республики. Опираясь на выдвинутую им еще в 1856 г. концепцию "градуальной шкалы интересов" (складывающейся по цепочке: от суверенного индивида, через город и провинцию, до федеративно организованной нации)²⁹, Пи формулирует принцип построения федерации снизу вверх и, кроме того, ставит его в зависимость от пакта. "Федеративная республика есть пакт, и... он невозможен без волеизъявления сторон", заявляет он³⁰. Пи считает, что федерация, построенная на системе пактов, способна решить и социальные вопросы, которые, по его мнению, носят специфический характер в каждой отдельной провинции, поэтому их не следует выносить на общенациональную арену. В этом Пи видит колоссальное преимущество федеративной системы. Идеал конституции федеративной республики он находит, как это было свойственно тогда всем федералистам, в конституции Соединенных Штатов.

В дальнейшем, схема построения федерации снизу вверх, от индивида до государства, на основе пакта (точнее, целой системы пактов) станет каркасом его общественной теории, который будет, обрастая деталями и уточнениями, сохраняться в качестве фундамента его политической деятельности.

Соединение федеративного принципа с "теорией пакта" с достаточной наглядностью выявляется и в главном теоретическом труде Пи-и-Маргалья ("Национальности", 1876 г.), завершившем процесс его идейной эволюции. Эта работа была написана уже после окончания пятой буржуазной революции и, в известной мере, на основании уроков политического поражения испанского республиканского федерализма, находившегося у власти в период Первой республики (1873 г.), но по целому ряду объективных и субъективных причин не сумевшего осуществить свою политическую программу³¹. "Национальности" содержат законченную теорию реорганизации наций по федеративному принципу, который выступает в этой работе Пи-и-Маргалья как всеобщая панacea и универсальный способ решения

всвозможных проблем: от национальных до социальных. Федерация определяется здесь Пи-и-Маргалем как "система, с помощью которой различные группы людей, не теряя своей автономии в отношении им одним присущих особенностей, объединяются и подчиняются совокупности подобных им групп для выполнения общих целей"³². Основой этого объединения снова провозглашается пакт, который заключают внутри себя "составляющие элементы сегодняшних наций", каковыми являются "индивид, пуэбло и провинция"³³. Все тот же пакт выступает у Пи-и-Маргалья основой федеративного переустройства в Испании в ходе народной революции, схему которой он намечает по образцу испанских буржуазных революций XIX в. В этой работе Пи-и-Маргаль рисует также картину федеративного объединения Европы и всего человечества, хотя и отодвигает эту перспективу в необозримое будущее³⁴.

Отголоски "теории пакта" можно найти и в более поздних работах Пи-и-Маргалья, не внесших изменений в его идейные построения. К примеру, в написанной в 1890 г. работе "Борьба наших дней", по сути дела являющей собой дидактическое изложение федералистской теории Пи-и-Маргалья, закрепленной в "Национальностях", пакт по-прежнему распространяется им на все области жизни: экономику, политику, мораль, семейные отношения. "Все в мире совершается посредством пактов", заявляет Пи³⁵. В целом, "теория пакта" в творчестве позднего Пи-и-Маргалья, как и сама идея федерации, все более превращается в абстрактную схему, оторванную от политической реальности Испании конца XIX в.

В своем творчестве 60-х90-х гг. Пи-и-Маргаль еще неоднократно обращается к различным элементам идейного наследия ХУШ в. Так, в "Национальностях", в своей аргументации в пользу федеративного переустройства он опирается на позитивное отношение к федерации, продемонстрированное в трактате "О духе законов" Монтескье³⁶. Обоснованию концепции "градуальной шкалы интересов" служит у Пи-и-Маргалья теория о преимуществе малых наций перед большими. И здесь Пи приводит обширные цитаты из того же трактата Монтескье,

а также из "Рассуждения о происхождении неравенства между людьми" Руссо³⁷. Для доказательства своей теории федеративной реорганизации наций Пи-и-Маргаль прибегает и к опыту Великой французской революции. Однако его попытки интерпретировать в сугубо федералистском духе события 14 июля 1789 г.³⁸ или сослаться на федералистски окрашенные (хотя речь там идет о совершенно иного рода "федерализме") высказывания Мирондиста Бюзю³⁹ выглядят несубсидиально. Вообще, в тех местах, где Пи-и-Маргаль пытается искусственно подогнать идейный и социальный опыт предшествующего столетия под аргументацию своей отвлеченной теории, использование наследия ХУШ века носит нередко предвзятый, а иногда и просто тенденциозный характер в его позднем творчестве.

Вместе с тем, в работах Пи-и-Маргалья на всех этапах его идейного пути неизменно выделяется та высокая оценка, которую он давал теоретическим и революционным свершениям ХУШ в. Выше уже частично приводилось его мнение об антиклерикальной традиции Просвещения. Пи-и-Маргаль сознавал всю глубину идейного переворота, совершенного просветителями ХУШ в., и подчеркивал его основополагающее влияние на формирование революционного мировоззрения у испанцев XIX в.⁴⁰ Он также хорошо понимал глубокую взаимосвязь Просвещения и Великой французской революции и, говоря о просветителях, отмечал, "что эти смелые философы, главным образом Вольтер и Руссо, были предтечами и направляющими французской революции"⁴¹. Его в высшей степени положительная оценка Великой французской революции на фоне общего весьма сложного отношения к ней в Испании XIX в. имела определенно прогрессивное значение. Больше того, Пи-и-Маргаль уже в своих ранних произведениях доказывал, что именно идеи Французской буржуазной революции ХУШ в. породили в Испании революционную традицию XIX в., до самых основ потрясшую все здание испанского абсолютизма⁴². При этом необходимо указать, что Пи-и-Маргаль не только не осуждал якобинскую диктатуру, отвергавшуюся в XIX в. многими бур-

жуазными политиками, но усматривал в ней закономерный этап процесса революционных преобразований и активно использовал ее опыт в своей теории⁴³.

Подводя итоги рассмотрению основных моментов влияния идейного наследия и социального опыта ХУШ в. на теорию испанского республиканского федерализма Ф.Пи-и-Маргалья, разработанную во второй половине XIX в., нужно отметить, что в задачи данного исследования не мог входить обзор этой теории в полном объеме. Избранная тема неизбежно оставила за пределами внимание многие оригинальные положения республиканско-федералистской теории, в частности, ее социально-экономический аспект, а также некоторые важные подробности предложенного Пи-и-Маргалея варианта решения национально-регионального вопроса в Испании с помощью установления федеративной республики. В данном случае акцент ставился на выявлении тех конкретных компонентов этой теории, которые сформировались под воздействием идеи ХУШ в. В результате можно сделать вывод о том, что некоторые из этих идей, в первую очередь связанные с антиклерикальной традицией французского Просвещения и учением об общественном договоре Руссо, нашли плодотворное развитие в теоретических работах Франсиско Пи-и-Маргалья, сделавшего попытку применить их к историческим условиям Испании XIX в. Кроме того, Пи-и-Маргаль использовал в своей теории идеи и опыт Великой французской буржуазной революции, что также имело позитивное значение для Испании того времени. Можно с уверенностью сказать, что идейное наследие ХУШ в. способствовало формированию одной из самых передовых общественных теорий Испании прошлого века, интерес к которой не ослабевает и в наши дни, когда испанцы используют опыт республиканского федерализма XIX в. для решения национально-регионального вопроса на современном этапе.

Примечания:

- 1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С.189.
- 2 Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т.38. С.367.
- 3 Айзентштат М.П. Фритредерство и антиколониальные тради-

ции Просвещения // Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. М., 1982. С.124.

- 4 Об истории демократической партии подробно см.: Biram Roel A. *El partido demócrata español (1849-1869)*. Madrid, 1961.
- 5 Подробно см.: Пожарская С.П. Особенности формирования национально-государственного комплекса на Пиренейском полуострове (на примере Испании). // Проблемы испанской истории. М., 1984. С.5-18.
- 6 См.: Hennessy Ch.A.M. *The Federal Republic in Spain: Pi y Margall and the Spanish Federal Movement*. Oxford, 1963. P.74.
- 7 См.: Pi y Margall F. *La Reacción y la Revolución*. Barcelona, s.a.P.37-41.
- 8 Ibid. P.50.
- 9 Ibid. P.52.
- 10 Jutglar A. *Prólogo // Pi y Margall F. El reinado de Amadeo de Saboya y la República de 1873*. Madrid, 1970, P.14.
- 11 Pi y Margall F. *La Reacción y la Revolución*. P.54.
- 12 Ibid. P.67.
- 13 Ibid. P.67-71.
- 14 Ibid. P.84.
- 15 В одном из своих поздних произведений Пи-и-Маргаль непосредственно связывает эту традицию с влиянием идей ряда представителей французского Просвещения и называет имена Вольтера, Руссо, д'Аламбера, Дидро, Гольбаха и Вольнея. - См.: Pi y Margall F. *Las luchas de nuestros días*. Madrid, 1906. P.271.
- 16 Pi y Margall F. *La Reacción y la Revolución*. P.76.
- 17 Ibid. P.165.
- 18 Ibid. P.189.
- 19 Ibid. P.192.
- 20 Ibid. P.151.
- 21 Ibid. P.135.
- 22 Jutglar A. *Pi y Margall y el federalismo español*. Madrid, 1975. Vol.1. P.188-195.

- 23 Pi y Margall F. La Reacción y la Revolución. P.193.
- 24 Ibid. P.202.
- 25 Ibid.
- 26 Ibid. P.211.
- 27 См., например: Ibid. P.291.
- 28 См. Pi y Margall F., Pi y Arsuaga F. Historia de España en el siglo XIX. Barcelona, 1902. T.IV. P.509-525.
- 29 См. Pi y Margall F. Lecciones de federalismo. Barcelona, s.a. P.42-49.
- 30 Pi y Margall F., Pi y Arsuaga F. Op.cit. T.IV. P.521.
- 31 О Первой испанской республике подробно см.: Ferrando Badía J. Historia político-parlamentaria de la República de 1873. Madrid, 1973; López-Cordón M.-V. La revolución de 1868 y la Primera República. Madrid, 1976; Темкин В.А. Республика 1873 г. как высшая точка развития испанского республиканского федерализма // Проблемы испанской истории М., 1967.
- 32 Pi y Margall F. Las Nacionalidades. Barcelona, 1981, P.113.
- 33 Ibid. P.96.
- 34 См.: Ibid. P.86-88, 299-300.
- 35 Pi y Margall F. Las luchas de nuestros días. P.164.
- 36 См.: Pi y Margall F. Las Nacionalidades. P.91.
- 37 Ibid. P.106.
- 38 Ibid. P.90.
- 39 Ibid. P.90, 106-107.
- 40 См., например: Pi y Margall F. Las luchas de nuestros días. P.16, 271-272.
- 41 Ibid. P.271.
- 42 См.: Pi y Margall F. La Reacción y la Revolución. P.17.
- 43 См., например: Ibid. P.84; Idem. Las luchas de nuestros días. P.271.

Некоторые тематически связанные материалы

И.Майский. Испания 1808-1918 гг.

(исторический очерк)

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80399924.htm>

Эпоха Великой французской революции:

проблемы истории и историографии

/ Межвуз.сб.науч.тр.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p66282955.htm>

Человек эпохи Просвещения / сб. науч. трудов

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p58779754.htm>